

КОСТРОМСКАЯ ЕПАРХИЯ: ВЕХИ ИСТОРИИ

УДК 246.1

DOI: 10.24411/2309-5164-2021-1-49-68

*Митрополит Костромской и Нерехтский
Ферапонт (Кашин),
кандидат богословия,
заведующий кафедрой Богословских дисциплин КоДС*

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЧУДОТВОРНОЙ ФЕОДОРОВСКОЙ ИКОНЫ БОЖИЕЙ МАТЕРИ В XIX ВЕКЕ

Часть 1

В данной статье приводятся в хронологическом порядке материалы, извлеченные из различных источников (в том числе и впервые вводимые в научный оборот документы из архива Святейшего Синода, относящиеся к традиции ежегодного перенесения чудотворного образа Богоматери из Костромы в Галич), которые автор собирал для написания книги о Феодоровской иконе Царицы Небесной.

Все даты в тексте приводятся по старому стилю; сокращения раскрываются без дополнительных оговорок или (при их возможной неоднозначности) посредством квадратных скобок; пояснения автора выделены квадратными скобками. Цитирование производится преимущественно в согласии с современными нормами орфографии и пунктуации.

Ключевые слова: Феодоровская икона Божией Матери, Кострома, костромской кремль, династия Романовых.

Цитирование: Ферапонт (Кашин), митр. Костромской и Нерехтский. Материалы по истории чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери в XIX веке // *Ипатьевский вестник*. — 2021. — № 1. — С. 49–68.

Почитание Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы, в XVIII столетии получившее всероссийский статус, в XIX веке обрело особые формы — как почитание семейной, родовой святыни царского Дома. Традиции, заложенные первоначальниками

*Митрополит Костромской и Нерехтский
Ферапонт (Кашин)*

царственной династии и затем почти утраченные, в XIX веке возродились и приумножились; особая роль в этом, как мы увидим далее, принадлежала императору Николаю I, очень многое сделавшему для прославления Костромского как «колыбели Дома Романовых». Свои труды к чествованию чудотворного образа Царицы Небесной приложили и костромичи: духовенство, благотворители, ученые и литераторы, мастера различных ремесел, простые жители Костромской земли.

В 1805 году Феодоровская икона Богородицы украсилась драгоценной золотой ризой.

«До 1805 года на чудотворной иконе была сребропозлащенная риза с украшениями золотом и разными драгоценными камнями, а во дни праздничные икона украшалась накладной жемчужной ризой. В 1805 году икона была украшена ризой из чистого золота 92[–й] пробы и многими разными драгоценными камнями на средства, пожертвованные гражданами. В ризе и венце золота было 20 фунтов и 39 золотников на 13 125 рублей, разных вещей и драгоценных камней на 9428 рублей, всего же она (без серебряного оклада вокруг всей иконы и серебряной ручки), с работой по укреплению драгоценных камней и вещей к чеканной ризе в 600 рублей, стоила 23 153 рубля»¹.

На окладе иконы была сделана надпись о том, что риза изготовлена «1805 года в царствование императора Александра I при епископе Евгении, тщанием костромских граждан при протоиерее Иакове Арсеньеве с братиею, мастера московского Трифона Добрякова»².

Упомянутый в надписи протоиерей Иаков Арсеньев — священнослужитель, церковные труды которого составили, можно сказать, целую эпоху в истории Успенского собора града Костромы. Иаков Арсеньевич Арсеньев родился в 1768 году в семье священника, в 1785 году окончил Костромскую духовную семинарию и стал в этой же духовной школе преподавателем, а затем префектом. В 1795 году он был рукоположен во священника к костромскому Успенскому собору, с 1797 года являлся соборным ключарем, с 1804 года и до кончины в 1848 году — соборным протоиереем; таким образом, священническое служение отца Иакова пред ликом чудотворной Феодоровской иконы продолжалось более полувека. Ему принадлежит честь составления первого описания Успенского собора, выходящего из печати несколькими изданиями³. Заботы отца Иакова о благолепии любимого храма были разнообразными: так, протоиерей Павел Островский в 1855 году при описании окрестностей Успенского собора

¹ Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии: Справочная книга. — Кострома, 1911. — С. 2.

² Островский П. Ф., прот. Историческое описание костромского Успенского кафедрального собора, составленное того собора священником П. Островским. — М., 1855. — С. 70–71.

³ Арсеньев И. А., прот. Описание костромского Успенского собора, составленное в конце 1819 года протоиереем Яковом Арсеньевым. — СПб., 1820.; Он же. Описание костромского Успенского собора, составленное в 1829 году протоиереем того собора и кавалером Иаковом Арсеньевым. — М., 1829.; Он же. Описание костромского Успенского собора, учрежденного по высочайшему повелению в 1835 году кафедральным, составленное в 1829 году протоиереем того собора и кавалером Иаковом Арсеньевым, а ныне вновь исправленное. — М., 1837.

отмечал, что от Святых врат Костромского кремля до входа в собор «лежит путь между двумя огражденными балюстрадой красивыми садами, насаженными трудолюбивой рукой протоиерея собора Иакова Арсеньева»¹.

В 1810 году в каменном здании тюрьмы в городе Костроме («тюремном замке») была устроена домовая церковь в честь чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери.

Начало Отечественной войны 1812 года ознаменовалось всеохватывающим подъемом патриотических настроений в российском обществе. Сто лет спустя, по случаю празднования векового юбилея, И.В. Баженов напишет: «Тогда все русские двинулись на защиту отечества, и нет сословия, которое не могло бы вспомнить в 1912 году высоких заслуг предков, воодушевленных одинаковой любовью к родине и готовых все принести ей в жертву. Ряды имен героев блещут среди народа священной памятью [18]12-го года. К ним присоединится бесчисленный ряд имен других людей, оставшихся неизвестными для потомства, но столь же героически отдавших отечеству свое достоинство, свои силы и свою жизнь»².

В августе 1812 года в Костромской губернии началось формирование ополчения для отправки на войну; ополчение должно было состоять из пяти полков — одного конного и четырех пехотных — общей численностью 11 тысяч ратников. 27 августа епископ Костромской и Галичский Сергей (Крылов-Платонов) вручил ополчению в благословение на воинский подвиг несколько икон-списков с чудотворного Феодоровского образа Пресвятой Богородицы (видимо, по иконе для каждого полка). Один из этих списков впоследствии прославился как чудотворный.

«Замечательно, что святая икона, врученная костромскому ополчению 1812 года 27 августа преосвященным Сергием “в знак Божия благословения и в залог будущих над врагом побед”, проявилась различными чудесами Смоленской епархии, Юхновского уезда в селе Дмитровце, в 1842 году переданная в бедную церковь этого села по духовному завещанию прихожанина г[–на] Баранова, зятя полковника Дункера, бывшего во время Отечественной войны начальником костромского батальона внутренней стражи»³.

В 1815 году костромское ополчение (в составе которого имелось уже лишь 3600 ратников)⁴ — охранявшее в 1813 году южные рубежи отечества, а затем принимавшее участие в заграничном походе русской армии — вернулось домой и было торжественно встречено костромичами. Знамена ополчения впослед-

¹ Островский П.Ф., прот. Историческое описание... — С. 56.

² Баженов И.В. Патриотическая страничка из жизни костромских семинаристов // Баженов И.В. Статьи 1887–1916 годов. — Кострома, 2019. — С. 334 [первая публикация — Костромские епархиальные ведомости. — 1912. — № 12. — Отдел неофициальный. — С. 331–336].

³ Островский П.Ф., прот. Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестно-чтимой в императорском Доме Романовых. — Кострома, 1864. — С. 137. См. также: Кандорский Иоанн, свящ. Икона Феодоровския Богоматери в копии 1812 года. (Из записок священника) // Костромские епархиальные ведомости. — 1885. — Отдел II, часть неофициальная. — № 16. — С. 485–487.

⁴ Григоров А.А. Из истории костромского дворянства // сост., вступ. ст. и прим. Н.А. Зонтикова. — Кострома, 1993. — С. 325.

ствии внесли в Успенский собор Костромского кремля, где они затем хранились на протяжении многих десятилетий.

«В 1816 году стены Успенского храма украсились освященными хоругвями костромского ополчения “для незабвенной, — как сказано в указе Святейшего Синода, — памяти потомству эпохи прошедшей войны”. На хоругвях изображены: с одной стороны вензель Его императорского величества государя императора Александра I, с другой — герб губернского города Костромы и 1812 год»¹.

Отметим, что триумфальное вступление русских войск в Париж, ознаменовавшее победу над Наполеоном, состоялось 19 марта 1814 года — ровно через 201 год после того дня, когда нареченный царь Михаил Феодорович, осеняемый благословением Феодоровской иконы Пресвятой Богородицы, выехал из Ипатьевского монастыря в Москву. Дабы увековечить память об этих двух событиях, в XIX веке в Ипатьевской обители воздвигли храм во имя святых мучеников Хрисанфа и Дарии (празднование которым Церковь совершает 19 марта по старому стилю).

Костромской кремль — место пребывания чудотворной Феодоровской иконы Богоматери — во втором десятилетии XIX века сильно изменил свой вид, утратив характерные черты крепостного сооружения. В 1814 году с его валов были убраны старинные пушки, а затем начались преобразования территории кремля.

«Из стремления придать новый и благоустроенный вид городу Костроме преобразователи его [кремля — М.Ф.] наложили свою руку и на стоявшие незыблемо земляные валы или осыпи, которые составляли прежде необходимую и столь характерную черту древней крепости или кремля. Величественные валы, продолжавшие существование несомненно свыше четырех веков, в 1817–1818 годах скрыты в уровень с площадью у триумфальных [то есть Святых — М.Ф.] и въезжих ворот Успенского собора. На месте прежнего вала с северо-восточной стороны по инициативе бывшего в Костроме гражданского губернатора К. Баумгартена разбит в 1819–1820 годах для общественного гулянья большой, прежде называемый английский, сад (ныне же городской бульвар) с разделанными аллеями и разнообразными деревьями. С юго-восточной стороны вал (к Нижней Дебре) несколько сохранился и, несмотря на меньшую сравнительно с прежним временем длину и высоту, все-таки напоминает о своем древнем виде»².

В 1814 году состоялась реформа системы духовного образования: низшие классы семинарий были выделены в духовные училища. Созданное таким образом Костромское духовное училище разместилось в одном из соборных домов Костромского кремля.

«Собственно в семинарии (...) оставлены были классы: богословский, философский и риторический, низшие же классы отнесены к училищам. Без со-

¹ Островский П.Ф., прот. Историческое описание... — С. 83.

² Баженов И.В. Костромской кремль: Историко-археологический очерк // Костромской кремль: Сборник материалов / сост. Семенова А.В. — Кострома, 2018. — С. 36–37 [первая публикация Баженов И. Костромской кремль: Историко-археологический очерк // Костромская старина: Издание Костромской ученой архивной комиссии. Выпуск шестой. — Кострома, 1905. — С. 90–116].

мнения имея это в виду, преосвященный Сергей и приказал три высших класса Костромской семинарии поместить в Богоявленском монастыре, а низшие, из которых составилось Костромское духовное училище — в соборном доме»¹.

Здесь, в кремле, близ хранившего в своих стенах главную святыню Костромской земли Успенского собора, духовное училище располагалось до 1895 года — когда оно покинуло соборный дом и расположилось в новом, специально для него построенном здании на Павловской улице Костромы.

В XIX столетии установилась традиция посещения Костромы — «колыбели Дома Романовых» — российскими самодержцами, наследниками престола, великими князьями и княгинями. Первым таким визитом стал приезд в Кострому великого князя Михаила Павловича, младшего брата императора Александра I. Великий князь был тогда еще юношей (он родился в 1798 году), что позволило священнику Евтихию Вознесенскому в своем летописании визитов царственных особ в Кострому сравнить (в характерном для той эпохи стиле) высокого гостя с его предком:

«19 августа 1817 года было тем радостным днем в XIX столетии, в который Кострома узрела царственного внука великой императрицы Екатерины II, благоверного великого князя юного Михаила II, соименного своему царственному родоначальнику и в том же юношеском возрасте, в каком находился царь Михаил Феодорович в год своего воцарения. Успенский собор первый удостоился принять под своими вековыми сводами юнейшего из царственных детей императора Павла I и императрицы Марии Феодоровны. Ректор Костромской семинарии архимандрит Август имел счастье у Святых врат встретить Его высочество и приветствовать речью»².

Вслед за посещением Успенского собора и на следующий день, 20 августа, великий князь Михаил осматривал Ипатьевский монастырь. В сочинении отца Евтихия приводится интересный факт: при обсуждении необходимых ремонтных работ в обители великий князь предложил не торопиться с решением, а подождать приезда в Кострому императора. Следовательно, государь Александр Павлович также намеревался посетить «колыбель Дома Романовых», но этот визит в итоге так и не состоялся.

В 1819 году протоиерей Иаков Арсеньев составил краткое историческое описание Успенского собора; это сочинение было сначала напечатано в «Отечественных записках» за 1819 год, а в 1820 году вышло отдельным изданием в Санкт-Петербурге.

В 1834 году в Кострому приехал император Николай I, и это царское посещение стало, можно сказать, судьбоносным для древнего города на Волге и его святынь. 7 октября в пять часов вечера государь на лошадях прибыл из Ярославля в Ипатьевский монастырь, а утром 8 октября, приняв в обители депутации от сословий Костромской губернии, отправился в кремль. Среди встречавших

¹ Андроников Н.О. Исторические записки о Костромской духовной семинарии и Костромской губернской гимназии. — Кострома, 1874. — С. 43–44.

² Вознесенский Е.П., свящ. Воспоминания о путешествиях высочайших особ благополучно царствующего императорского Дома Романовых в пределах Костромской губернии в XVII, XVIII и текущем столетиях. — Кострома, 1859. — С. 44–45.

самодержца у Успенского собора был и протоиерей Иаков Арсеньев, за восемь лет до того, 22 августа 1826 года, присутствовавший на коронации императора Николая I в Москве — «в звании депутата со стороны костромского духовенства, как первослужитель у чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, благословившей на царство родоначальника царственного Дома Романовых — царя Михаила Феодоровича»¹.

Вновь дадим слово отцу Евтихию Вознесенскому: «В 10 часов государь, в одном экипаже с начальником губернии, запряженном парой лошадей, посетил костромской Успенский собор.

Пред Святыми соборными воротами государь был встречен преосвященным Павлом [епископом Костромским и Галичским Павлом (Подлипским) — М.Ф.] с чудотворным образом Пресвятой Богородицы Феодоровской, хоругвями, крестом и святой водой. По окроплении государь император изволил шествовать к собору по помосту, устланному белыми полотнами, в предшествии преосвященного, двух архимандритов, соборного и всего градского духовенства в белых парчовых ризах.

По выслушании в соборе молебного пения о здравии и благоденствии августейшего Дома, государь прикладывался к святым иконам Спасителя и чудотворной иконе Феодоровской, которой поднесенную преосвященным копию изволил принять и выслушать объяснение архипастыря о древности чудотворного образа и его чудотворениях и сказание о том, что сей святой образ был приносим в обитель Ипатия в день умоления царя Михаила Феодоровича и его матери на вступление на всероссийский престол.(...)

Оставляя собор, государь император не позволил преосвященному Павлу провожать Его величество. По выходе из соборной паперти государь был тесним множеством народа так, что не мог идти вперед. Это замедление было причиной того, что Его величество приказал подать экипаж к крыльцу соборной паперти»².

Утром 9 октября император Николай I покинул Кострому, продолжив свой путь по нижегородскому тракту через Кинешму в Нижний Новгород. Следствиями этого визита стали: сооружение в Костроме памятника царю Михаилу Феодоровичу и крестьянину Ивану Сусанину (с переименованием центральной площади города в Сусанинскую); возвращение Ипатьевской обители статуса действующего монастыря и проведение масштабных работ по ее превращению в духовный мемориал Дома Романовых; учреждение Успенского собора Костромского кремля кафедральным храмом Костромской епархии.

Посещение «колыбели Дома Романовых» оставило у императора Николая I самое благоприятное впечатление (передавали его отзыв: «Я видел такую приверженность, любовь и усердие народное только в Риге и Костроме»)³. Заинтересовался самодержец и переданным ему предложением костромских граждан — воздвигнуть в Ипатьевской обители памятник царю Михаилу Феодоровичу. Однако скромное состояние самой этой обители, к тому же формально

¹ Островский П.Ф., прот. Исторические записки о Костроме... — С. 142.

² Вознесенский Е.П., свящ. Воспоминания о путешествиях... — С. 57–58.

³ Там же. — С. 64.

обращенной (с 1744 года) в архиерейский дом, с точки зрения государя никак не могло соответствовать значению совершившихся здесь в 1613 году событий. Уже 11 декабря 1834 года в ризницу Ипатьевского монастыря прибыли исторические реликвии, по царскому повелению присланные из Оружейной палаты в Москве — деревянный посох и серебряный позолоченный ковш царя Михаила Феодоровича, а также большой серебряный ковш с резной подписью императрицы Екатерины II. А в следующем году — также царственным изволением — началась новая эпоха истории и Ипатьевского монастыря, и Успенского собора в Костромском кремле. Протоиерей Павел Островский повествовал:

«В июне 1835 года одновременно последовало высочайшее соизволение и на улучшения Ипатьевского монастыря, и на сооружение памятника, но государю императору угодно было, чтоб памятник был сооружен не в Ипатьевском монастыре, а на городской площади, для чего высочайше повелено и самую площадь именовать Сусанинской. (...)

С высочайшего соизволения последовали и улучшения в обители преподобного Ипатия. (...) Монастырь возведен на степень первоклассного кафедрального, по подобию московского Чудова, под непосредственным управлением епископа Костромского; штат монашествующих увеличен. Затем кафедральным собором, штат которого доселе был в Ипатьевском монастыре, учрежден Успенский собор. Таким образом Успенский собор чрез посредство своей святыни, послужившей некогда России в деле спасения ее умолением Михаила Романова на царствование, обязан новым достоинством кафедрального высочайшему воспоминанию того великого события, которым, по благословию Владящего царством, целая Россия обязана началом своего многовекового спокойствия, величия и счастья»¹.

Так в 1835 году воплотилась в жизнь идея, за шесть десятилетий до того предлагавшаяся епископом Симоном (Лаговым) — который, к сожалению, не успел ее реализовать. Успенский собор Костромского кремля стал главным храмом Костромы и всей Костромской епархии, местом пребывания кафедры правящего архиерея, и это — как справедливо отмечал отец Павел Островский — было обусловлено значением хранившейся в соборе главной святыни Костромской земли. Соответственно, статус кафедрального усваивался и Богоявленскому собору: он в церковно-административном смысле составлял единое целое с собором Успенским, не имел собственного причта, а богослужения в соборных храмах совершались попеременно: в холодное время года — в Богоявленском (отапливаемом), в теплое — в Успенском, не имевшем отопления.

Одновременно с описываемыми событиями, в 1834–1835 годах, в Успенском соборе перестраивался придел во имя святого великомученика Феодора Стратилата: он был «распространен в длину прикладкой к придельной наружной каменной стене во всю длину западной стены главного Успенского храма»² (не будем забывать, что Успенский собор строился алтарем на север, к Запрудне, поэтому западная стена была для него не задней — как у других храмов — а левой от входа).

¹ Островский П. Ф., прот. Исторические записки о Костроме... — С. 145–147.

² Краткие статистические сведения о приходских церквях... — С. 1.

К глубокому сожалению, мы пока не имеем документальных свидетельств о чудесах, совершавшихся по молитвам у Феодоровской иконы после 1646 года и до XIX века (за исключением избавления от плена И.М. Иловайского). Вполне возможно, что такие записи и были, но погибли — как и множество других соборных документов — в пожаре 1773 года. Однако в XIX столетии такие свидетельства стали появляться; они фиксировались рукописями, публиковались в церковной печати. К примеру, в записках протоиерея Иакова Арсеньева сохранилось такое повествование, лично услышанное отцом Иаковом от рассказчицы и опубликованное затем протоиереем Павлом Островским в 1864 году:

«1831 года марта 14 (день торжественного праздника Феодоровской иконе Богоматери) г-жа Наталья Васильевна Обрезкова, урожденная графиня Шереметева, в приезд свой в Кострому для поклонения Феодоровской иконе Богоматери объявила, что всех из рода Шереметевых девиц, выходящих в замужество, всегда благословляют образом Пресвятыя Богородицы Феодоровским по нижеследующей причине. Один из давних их предков Шереметев, женившись на одной благородной девице, вскоре после брака так ее возненавидел, что она принуждена была удалиться в отдаленное место и там оплакивать свою горестную участь. В продолжение немалого времени муж ее не без огорчения проводил жизнь свою, а наипаче преследуемый мыслью, что род его пресечется. И вот он, сделавшись больным, видит сон, в коем ему открыто, чтоб он, взяв жену свою, ехал в Кострому для поклонения чудотворному образу Богородицы Феодоровскому и что, исполнив это, он получит исцеление и род его не пресечется. Совершив сие путешествие, Шереметев жил с своей супругой в неразрывном союзе и имел удовольствие видеть детей своих»¹.

В 1835 году, в процессе усвоения Успенскому собору статуса кафедрального, произошли интересные события, которые нельзя назвать собственно чудесными — однако они ярко свидетельствовали, какую искреннюю в своей простоте веру имели соборные священнослужители, как уповали они на помощь Царицы Небесной, у чудотворного образа Которой несли церковное послушание. Рассказ об этом случае отец Павел Островский начинает так:

«При благоговейном размышлении о неукоснительном покровительстве Божией Матери, примечаемом читателями чудотворного Ее Феодоровского образа в самых по видимому маловажных обстоятельствах жизни, нельзя оставить без внимания и того обстоятельства, которое непосредственно следовало за учреждением Успенского собора кафедральным»².

Суть дела была в следующем. Со времени учреждения Костромской епархии в 1744 году ее кафедральным храмом являлся Троицкий собор Ипатьевского монастыря, ставшего архиерейским домом. На протяжении последующих 90 лет штат Троицкого собора составляли не монашествующие клирики, а обычное «белое» (семейное) духовенство, старшим из этих соборян в 1835 году был кафедральный протоиерей Даниил Груздев. Однако решением Святейшего Синода Ипатьевской обители был возвращен статус монастыря (первоклассного кафедрального — то есть относящегося к высшей из трех

¹ Островский П.Ф., прот. Исторические записки о Костроме... — С. 94–95.

² Там же. — С. 147.

категорий штатных монастырей и по-прежнему служащего резиденцией для епархиального архиерея). Теперь «белым» клирикам в монастырском соборе служить стало неуместно — и тем же решением Синода весь штат прежнего кафедрального собора во главе с отцом Даниилом перемещался в новый кафедральный собор, Успенский кремлевский, прежним же клирикам Успенского собора епархиальное начальство должно было «дать приличные места при других в городе церквях»¹. Можно себе представить, сколь огорчительным стало такое предписание для кремлевского духовенства — к примеру, для отца Иакова Арсеньева, четыре десятилетия прослужившего у чудотворной иконы... Соборные отцы сначала попросили помощи у костромского епископа, но тот не рискнул вмешиваться в дело, уже рассмотренное Синодом. Тогда кремлевские клирики, уповая на милость Пресвятой Богородицы, обратились непосредственно в высший орган церковной власти.

«Усердно помолившись Небесной Заступнице пред чудотворным Ее образом, соборяне решились на смелость ходатайствовать в Святейшем Синоде сами о себе. Смелое ходатайство, заступлением Владычицы мира, имело желанный успех; Святейший Синод вытребовал от местного епископа послужные списки соборян Успенских и Троицких и, по рассмотрении тех списков, определил: Успенским оставаться в Успенском кафедральном соборе, а Троицким соборянам (кроме протоиерея Даниила Груздева, который с званием кафедрального протоиерея должен был перейти в Успенский собор) дать приличные места при церквях приходских. Указ Святейшего Синода получен в конце ноября 1835 года»².

Добавим, что писавший эти строки отец Павел Островский в 1835 году служил в Успенском соборе диаконом и, таким образом, являлся и свидетелем, и непосредственным участником событий.

В мае 1837 года Кострому посетил наследник цесаревич Александр Николаевич, будущий император Александр II. 13 мая он осмотрел городок Нерехту, а оттуда направился в Кострому, в 7 часов вечера прибыл к перевозу через Волгу на правый берег реки и переправился на левый берег — в город.

«Государь наследник прямо с перевоза поспешил, в сопровождении бесчисленного множества народа, в кафедральный Успенский собор, при Святых вратах коего был встречен преосвященным Владимиром [епископом Костромским и Галичским Владимиром (Алявдиным) — М.Ф.] со всем градским духовенством и слушал обычное молебствие о благоденствии всего августейшего Дома, по совершении коего изволил прикладываться к чудотворному лику Феодоровской Божией Матери и отправился в дом генерала Борщова на Сусанинской площади (где изволил останавливаться и августейший его родитель, в Бозе почивший), приготовленный для принятия Его высочества»³.

На следующий день, 14 мая, цесаревич утром принимал депутации от жителей губернии (в том числе и от потомков Ивана Сусанина), затем посетил Ипатьевский монастырь и губернскую гимназию, а к вечеру «вышел в народ».

¹ Там же.

² Там же. — С. 148.

³ Вознесенский Е.П., священник, Воспоминания о путешествиях... — С. 85–86. В последней фразе автор имеет в виду императора Николая I, ко времени издания книги уже скончавшегося.

«После обеда государь цесаревич участвовал в публичном гулянии на бульваре, устроенном на самом лучшем месте в городе, на месте прежнего Костромского кремля, где собралось самое лучшее и многочисленное костромское общество»¹.

Рано утром 15 мая наследник отправился из Костромы в Вятку, по тракту через Судиславль и Макарьев.

Тем временем программа превращения и Ипатьевского монастыря, и всей Костромы в мемориал царственного Дома — инициированная императором Николаем I — постепенно, хотя и не без трудностей, реализовывалась. В 1835 году выдающийся архитектор той эпохи Константин Андреевич Тон (автор проекта Храма Христа Спасителя в Москве) составил проект всесторонней реставрации и перестройки Ипатьевской обители, а 16 апреля 1838 года был высочайше утвержден проект памятника царю Михаилу Феодоровичу и Ивану Сусанину на Сусанинской площади Костромы. 25 июня 1840 года, в день рождения императора Николая I, в Ипатьевском монастыре состоялась закладка храма во имя святых мучеников Хрисанфа и Дарии — в память о разделенных двумя веками исторических событиях 19 марта 1613 и 1814 годов. За год были возведены стены и своды церкви, но при снятии опалубки 2 августа 1841 года здание обрушилось, как было сказано в отчете того времени, из-за «дурного качества материалов»². И — любопытное совпадение — ровно через два года, 2 августа 1843 года, на Сусанинской площади заложили основание (бут) для памятника царю и крестьянину.

«Закладка происходила торжественно: крестный ход из Успенского собора с чудотворным Феодоровским образом Богоматери был во главе торжества, которое заключилось праздником, обычным русскому хлебосольству»³.

Однако в сентябре 1847 года продолжавшееся строительство памятника на Сусанинской площади оказалось связано с трагическими событиями — пожарами, испепелившими немалую часть города и явно бывшими следствием чьей-то намеренной злой воли.

«По слухам, ходившим в то время в Костроме, виновниками сентябрьского пожара 1847 года были поляки, проживающие в городе. Согласно молве, пожар будто бы, был организован ими, чтобы сорвать открытие памятника Сусанину»⁴.

«В результате пожаров с 5 по 11 сентября сгорело 188 домов, Богоявленский монастырь, 3 фабрики и 4 общественных здания. Для города с населением в 15 000 человек это стало катастрофой (...)

Продолжительность пожаров, возгорание в разных местах города, подметные письма с угрозами поджогов не оставляли у населения сомнений в наличии злого умысла. Жители организовали патрули, делившие город на округа и обеспечивавшие порядок и охрану от новых поджогов»⁵.

¹ Вознесенский Е.П., священник. Воспоминания о путешествиях... — С. 91.

² Виноградова С.Г. Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь. — [Кострома,] 2013. — С. 80.

³ Островский П.Ф., прот. Исторические записки о Костроме... — С. 152.

⁴ Зонтиков Н.А. Иван Сусанин: легенды и действительность. — Кострома, 1997. — С. 125.

⁵ Новиков А.В. Борьба с коррупцией в системе губернского управления в первой половине XIX века (на материалах Костромской губернии) // II Романовские чтения. Центр и провин-

Костромской губернатор К.Н. Григорьев из-за пожаров прервал свою поездку с ревизией по губернии и предпринял меры, которые даже современники сочли чрезмерными. Однако сейчас высказано предположение, что виновниками пожаров могли быть не просто злоумышленники (и уж тем более не поляки), а... недобросовестные чиновники, опасавшиеся проверки «на местах» и решившиеся на откровенное злодейство, чтобы помешать губернатору (пользовавшемуся, кстати, репутацией строгого и неподкупного начальника).

«Губернатором была образована следственная комиссия, к подозреваемым были применены допросы “с пристрастием” (с пытками). За превышение власти 22 ноября 1847 года высочайшим повелением К.Н. Григорьев был отстранен от должности губернатора, отозван в Санкт-Петербург и отдан военному суду. Не исключено, на наш взгляд, что поджоги в Костроме были организованы для пресечения ревизионных поездок губернатора. Тем более что впоследствии К.Н. Григорьев в своих действиях был оправдан и получил назначение губернатором во вновь образованную Якутскую губернию»¹.

Поскольку 6 сентября 1847 года пожаром был буквально уничтожен Богоявленский мужской монастырь (ныне Богоявленско-Анастасийн женский), где тогда располагалась Костромская духовная семинария, духовной школе пришлось переехать в соборные дома Костромского кремля.

«Оправившись от первого тяжелого впечатления, епархиальное и семинарское начальство положило наконец перевести семинарские классы в верхний этаж училищного дома, состоящего при кафедральном Успенском соборе; а второй дом преосвященный уступил под помещение семинарского правления, ректора, инспектора и секретаря семинарского правления. В этих домах и поместилась временно Костромская семинария; но помещение это было крайне тесно и неудобно. (...) Богоявленский монастырь стоял в развалинах, здания его частью разрушались, частью были разрушаемы; возобновлена была одна церковь, где находится чудотворная Смоленская икона Божией Матери, где и совершалось богослужение для воспитанников семинарии»².

В Костромском кремле, под осением пребывавшей здесь чудотворной Феодоровской иконы Богоматери, духовная школа располагалась до 1868 года — когда состоялся ее переезд в здание на улице Верхней Набережной. За это время из стен семинарии вышло немало известных впоследствии лиц. Костромской историк Н.А. Зонтиков перечисляет выдающихся выпускников семинарии периода ее пребывания в соборном доме:

«Сергий (Спаский; 1830–1904 годы) — архиепископ Владимирский и Суздальский, историк и агиограф (выпуск 1849 года);

Иероним (Лаговский; 1832–1884 годы) — архимандрит, ректор Пермской духовной семинарии, историк и археолог (выпуск 1849 года);

ция в системе российской государственности: материалы конференции. Кострома, 26–27 марта 2009 года / сост. и научн. ред. А.М. Белов, А.В. Новиков. — Кострома, 2009. — С. 41–42.

¹ Там же. — С. 42.

² Андроников Н.О. Исторические записки о Костромской духовной семинарии... — С. 47.

Илари́й Ефи́мович Бе́ляев (1831–1903 годы) — основатель и попечитель Александровского православного братства, самой значительной религиозно-благотворительной организации Костромской губернии (выпуск 1852 года);

Па́вел Ива́нович Андрино́в (1835–1888 годы) — писатель, краевед, редактор неофициальной части «Костромских губернских ведомостей» (выпуск 1854 года);

Евге́ний Евси́гнеевич Го́лубинский (1834–1912 годы) — крупнейший церковный историк, профессор Московской духовной академии, академик Петербургской Академии наук (выпуск 1854 года);

Михаи́л Ива́нович Горча́ков (1838–1910 годы) — историк, протоиерей, профессор церковного права Петербургского университета, член-корреспондент Петербургской Академии наук (выпуск 1857 года);

Иоа́нн Капи́тонович Херсо́нский (1843–1912 годы) — историк, протоиерей, смотритель Макарьевского духовного училища (выпуск 1861 года);

Никола́й Ива́нович Петро́в (1840–1921 годы) — историк, литературовед, профессор Киевской духовной академии, член-корреспондент Петербургской Академии наук, академик Украинской Академии наук (выпуск 1861 года);

Федо́р Ива́нович Успенский (1845–1928 годы) — историк-византист, директор Русского археологического института в Константинополе, академик Петербургской Академии наук (выпуск 1866 года)¹.

В августе 1850 года Кострому посетили сыновья императора Николая I — великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич, направлявшиеся в Нижний Новгород. Отец Евтихий Вознесенский так описывал их визит в Успенский собор:

«8 августа 1850 года, в 9 часов утра, большой колокол костромского кафедрального собора возвестил гражданам радостную весть о прибытии в наш град августейших посетителей и повторял свои стройные звуки до 2 ¼ [часов] пополудни — до времени прибытия Их императорских высочеств. Время весьма благоприятствовало. Народу было бесчисленное множество; целые тысячи поселян, бросивших свои сельские занятия, собрались и наполняли весь левый берег Волги, Сусанинскую площадь и площадь между бульваром и собором.

Августейшие братья прямо подъехали, в сопровождении своего руководителя генерала Философа и начальника губернии И.В. Каменского, к Святым вратам кафедрального собора, где были встречены преосвященным Леонидом с соборным и градских церковей духовенством, с крестом и святой водой. После приложения ко кресту и окропления пути Их императорских высочеств, в предшествии духовенства и архипастыря, чрез трапезу летнего, замечательного по своей древности и византийскому зодчеству собора, [великие князья] взошли во внутренность его и изволили слушать обычную ектению и многолетие царствующей фамилии, у правого столба храма, с поразительным для всех очевидцев благоговением и юношеской скромностью. После целования креста [они] возносили теплые молитвы пред чудотворным ликом Феодоровския Божия Матери, коей копии преосвященный имел счастье поднести Их импера-

¹ Зонтиков Н.А. Костромская духовная семинария: веки истории // Костромская духовная семинария: Историческая энциклопедия.— Кострома, 2019. — С. 37–38.

торским высочествам как памятник и залог того особенного покровительства Приснодевы, которое Она явила первому родоначальнику»¹.

На следующий день, 9 августа, великие князья покинули Кострому и по кинешемскому тракту отправились в Нижний Новгород.

14 марта 1851 года, в день празднования чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери, состоялось открытие памятника царю Михаилу Феодоровичу и Ивану Сусанину. После Божественной литургии в Богоявленском кафедральном соборе, которую возглавил епископ Костромской и Галичский Леонид (Зарецкий), на Сусанинскую площадь из собора отправился крестный ход, сопровождаемый воинскими подразделениями. В крестном ходе несли чудотворную Феодоровскую икону Божией Матери и чтимую святыню Ипатьевского монастыря — Тихвинский образ Пресвятой Богородицы.

«По прибытии на площадь войска построились вокруг памятника с трех сторон, а на четвертой передней стороне памятника, обращенной к Волге, на устроенной нарочно эстраде, остановился крестный ход и все почетные лица, в процессии участие принимавшие. Вид площади в эти минуты был великолепный. Крыши окружающих площадь гостиных дворов и других зданий, балконы, окна унижены были зрителями, число коих простиралось до 30 тысяч человек. По окончании построения войск, по данному г[–ном] военным губернатором знаку, мгновенно упал с памятника покров, и взору изумленных зрителей предстал величественный памятник, на четырехугольном гранитном пьедестале, обнесенном чугунной решеткой, с гранитной на нем колонной, на верху которой бронзовый бюст юноши — царя Михаила Феодоровича, поразительно сходный с портретом; у подножия ее с левой стороны — молящийся Сусанин, вылитый из бронзы, а с правой — родословная и две грамоты, потомству его всемилостивейше дарованные; в барельефе на лицевой стороне пьедестала — последний момент смерти Сусанина (...). Вверху колонны — герб государства, на половине ее — герб Костромской губернии. На задней стороне пьедестала надпись: “Ивану Сусанину, за царя — спасителя веры и царства, живот свой положившему. Благодарное потомство”. На двух боковых противоположных сторонах пьедестала годы: 1613 и 1851. Высота памятника от основания 21 аршин; вес его 17 000 пудов, а с фундаментом 140 000 пудов»².

Затем епископ Костромской и Галичский Леонид совершил молебен с водосвящением, окропил памятник святой водой и произнес краткую речь.

«После речи началась панихида. Все, участвовавшие в сем торжестве, с умилением сердца возносили теплую молитву за упокой души юного избранника на царство Русское, царя Михаила Феодоровича, и поселянина Иоанна Сусанина.

По окончании духовной церемонии крестный ход возвратился в собор»³.

К середине XIX века внутренняя роспись Успенского собора постепенно пришла в состояние, требующее поправки (напомним, что после пожара 1773 года собор в течение трех лет — в 1775–1778 годах — расписывали ярославские мастера). Реставрация росписи состоялась в 1855 году.

¹ Вознесенский Е.П., священник. Воспоминания о путешествиях... — С. 108.

² Там же. — С. 78–80.

³ Там же. — С. 80.

«Живопись 1775 года в половине XIX столетия значительно испортилась и побледнела, поэтому в 1855 году была исправлена. Трудились, исправляя, живописцы: крестьянин Михаил Матфеев и ростовский мещанин Александр Сапожников и позолотчик арзамасский мещанин Филипп Крылов»¹.

В том же 1855 году в Москве была напечатана книга протоиерея Павла Островского «Историческое описание костромского Успенского кафедрального собора». Почти полувековое церковное служение отца Павла — выдающегося костромского церковного историка и краеведа, приходившегося родным дядей знаменитому драматургу А.Н. Островскому — проходило в Костромском кремле: десять лет (с 1828 по 1838 год) он служил в Успенском соборе диаконом, еще десять лет (1838–1848 годы) — протодиакон, в 1848 году стал священником, затем был возведен в сан протоиерея. В 1837–1840 годах и в 1852–1855 годах он исполнял должность соборного ключаря, затем в 1855 году был назначен ключарем Успенского кафедрального собора и трудился в этом звании до своей кончины, последовавшей в 1876 году. Книга отца Павла Островского была не первым описанием Успенского собора (ранее издавалось сочинение протоиерея Иакова Арсеньева), но по объему содержащихся в ней сведений она стала настоящей исторической энциклопедией, посвященной и Успенскому собору, и всему Костромскому кремлю, и главной костромской святыне — чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери. Именно в этой книге отцом Павлом было опубликовано начало текста минейной (милютинской) редакции «Сказания о явлении и чудесах Феодоровской иконы Божией Матери», именно здесь он обосновал ошибочность датировки явления чудотворной иконы в Костроме 1239 годом — и это позволило профессору Московской духовной академии А.П. Голубцову спустя более чем полвека, в 1909 году, на историко-археологическом съезде в Костроме выразиться о вышеупомянутом «Сказании...» (которое профессор именовал повестью) так:

«Редкий из исследователей местной истории и археологии не пользовался нашей повестью; но из многих занимавшихся лишь один отец П.Ф. Островский, сколько знаем, останавливался нарочито своим вниманием на ней»².

Впоследствии, в 1864 году, протоиерей Павел Островский издаст еще одну книгу, посвященную истории Костромы в ее связи с историей чудотворной Феодоровской иконы: «Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестно-чтимой в императорском Доме Романовых». А в 1870 году выйдет из печати еще одно сочинение отца Павла — «Историко-статистическое описание Костромского первоклассного кафедрального Ипатьевского монастыря».

В описании Успенского собора, изданном в 1855 году, отец Павел Островский приводил немало интересных сведений о чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери (в том числе и не относящихся непосредственно к истории

¹ Сырцов И.Я., протоиерей. Стенная живопись в костромском Успенском кафедральном соборе. — Кострома, 1908. — С. 13.

² Голубцов А.П. Автор древней повести о Феодоровской иконе Божией Матери: [Реферат, читанный на историко-археологическом съезде в Костроме в 1909 году] // Богословский вестник. — 1911 — Том 3 — № 10 — С. 364 (2-я пагин.).

соборов Костромского кремля). Вот, например, что он рассказывал о почитании костромичами своей святыни за пределами родной земли:

«Достоинно упоминания и то, что благоговейное чествование Феодоровской иконе Богоматери не престают оказывать костромские граждане и в том случае, если они поставляются торговыми делами в необходимость отлучиться от родного города. 16 августа в соборе Нижегородской ярмарки торжественно празднуют они явление Феодоровской иконы Божией Матери, а 14 марта Тамбовской губернии в городе Моршанске они исправляют празднество Феодоровской Божией Матери еще торжественнее: всенощное бдение совершается в градском Софийском соборе, откуда перед литургией икона Феодоровской Богоматери (копия, доставленная им из Костромы и их усердием богато украшенная) крестным ходом приносится в приходскую (прежде бывшую кладбищенской), в честь Феодоровской Богоматери устроенную церковь; отсюда, по совершении литургии соборным служением, крестный ход с иконой Феодоровской Богоматери возвращается в собор. Праздник, совершаемый усердием костромитян с полным церковным благолепием, довершается столь же радушным их хлебосольством в усердном принятии в свои квартиры тамошнего духовенства»¹.

Тем временем для России наступила пора испытаний: началась Крымская война, 18 февраля 1855 года скончался император Николай I. Обстоятельства военного времени потребовали, как и в 1812 году, созыва ополчения — и вновь в Костромской губернии ополченцы выступили на ратный подвиг под осенением чудотворной Феодоровской иконы.

«12 июля 1855 года совершено преосвященным Филофеем [епископом Костромским и Галичским Филофеем (Успенским) — М.Ф.] торжественное освящение знамен костромского ополчения; это происходило на Сусанинской площади (...). По водоосвящении преосвященный, окропив святой водой иконы (копию с Феодоровской, в меру чудотворной, в серебряных рамках, и 11 250 малых финифтевых с изображением Феодоровской Богоматери, по числу ратников, пожертвованных кафедральным собором) и знамена, вручил первые начальнику ополчения, а последние начальникам дружин»².

4 августа 1855 года ополченцы покинули Кострому, отправляясь к месту назначения; у каждого ратника, как указано выше, имелся с собой образок костромской святыни — дар от Успенского кафедрального собора Костромского кремля. В августе следующего, 1856 года ополченцы возвратились домой; как и за сорок лет до того, их знамена были поставлены в Успенском соборе и хранились под его сводами на протяжении последующих десятилетий.

Осенью 1856 года в Успенском кафедральном соборе завершились проводившиеся с 1855 года ремонтные работы, а 30 марта 1857 года на Костромскую кафедру вступил епископ Платон (Фивейский) — архипастырство которого, продолжавшееся двадцать лет (до кончины владыки в 1877 году), стало целой эпохой в жизни Костромской епархии. 13 июля 1857 года епископ Платон со-

¹ Островский П. Ф., прот. Историческое описание... — С. 142–143. Автор имеет в виду ежегодные поездки костромских купцов на ярмарки в Нижний Новгород и Моршанск.

² Островский П. Ф., прот. Исторические записки о Костроме... — С. 176.

вершил освящение Успенского собора после ремонта (по обстоятельствам, связанным с приобретением нового церковного убранства, освящение некоторое время откладывалось), а в августе 1858 года главный храм Костромы принимал в своих стенах нового государя, императора Александра II.

«15 августа — день храмового праздника — посетили Кострому, и прежде всего Успенский храм, Их величества государь император Александр Николаевич и государыня императрица Мария Александровна. Успенский храм своим великолепием вызвал себе лестный отзыв самого монарха; заметное для всех удовольствие государя императора, при обозрении священных украшений храма, выразилось в одном слове: “Прелесть”»¹.

16 августа, в день явления чудотворной Феодоровской иконы, царская семья посетила Ипатьевский монастырь. В тот же день произошло интересное событие: дочь императора, великая княжна Мария, неожиданно — без какого-либо предупреждения — приехала в Успенский собор.

«Лишь только государь император и государыня императрица приехали из Ипатьевского монастыря во временный дворец, как отправилась для посещения костромской святыни великая княжна Мария Александровна. В исходе 2-го часа за полдень коляска, в которой сидела дочь русского царя с сопровождавшей ее фрейлиной Тютчевой, въехала в ограду костромского Успенского собора. Так как весь народ толпился около дворца и подле Ипатьевского монастыря, то в ограде соборной и около собора почти никого не было. Подле теплого собора случайно находился тогда наставник Костромской семинарии Николай Андроников, и только (как он уверяет) думал о том, как бы ему посмотреть на великую княжну, которой одной еще ему не удалось видеть, как увидел едущую по направлению к нему коляску, у которой позади стоял придворный камер-лакей. Догадавшись, кто находится в этой коляске, и пораженный тем, что так случайно исполняется на самом деле его пламенное желание, он бросился к экипажу, в котором сидела прекрасная, как ангел, русская царевна. Экипаж остановился, и г-жа Тютчева попросила Андроникова распорядиться, как он знает, чтобы в соборе не было стороннего народа. Великая княжна, высаженная из экипажа камер-лакеем, вынувши портмоне и отдавши его г-же Тютчевой, направилась в собор; у южных дверей собора она была встречена протоиереем Бронзовым с диаконом Князевым, которые и ввели высокую посетительницу в самый храм. Вслед за ними вошел только Андроников, который, затворив двери собора, встал подле них, чтобы не пускать мгновенно столпившийся народ. С глубоким благоговением дочь русского царя приложилась к чудотворной иконе Феодоровской Богоматери, потом помолилась и другим святым иконам и, полюбовавшись великолепным украшением храма, направилась к экипажу в сопровождении г-жи Тютчевой, соборян и имевшего счастье вводить ее в собор Андроникова. Народ, в большом уже количестве собравшийся на паперти, безмолвно приветствовал поклонами высокую посетительницу, которая милостиво кланялась на обе стороны. Из собора великая княжна поехала в Ипатьевский монастырь»².

¹ Там же. — С. 188–189.

² Андроников П.И. Император Александр II в Костромской стороне. — Кострома, 1859. — С. 13–14.

На следующий день император и императрица с дочерью вновь прибыли в Костромской кремль.

«17 августа Их величества слушали в Успенском храме кафедрального собора Божественную литургию, которую по назначению преосвященного, лично принявшего в 16 день после обеденного стола высочайшее приказание по сему предмету, совершал ключарь собора священник П. Островский, удостоившийся после литургии поднести Их величествам просфоры. По окончании литургии Их величества прикладывались к чудотворной Феодоровской иконе Богоматери и, сопровождаемые преосвященным, двумя архимандритами и соборным духовенством до Святых врат соборной ограды, отправились прямо на пароходную пристань для дальнейшего путешествия в Нижний Новгород»¹.

Постепенно реализовывалась и программа превращения Ипатьевского монастыря в мемориал царственного Дома, намеченная еще императором Николаем I. В 1859 году был высочайше утвержден проект, предусматривавший разборку в обители старой, обветшавшей Богородице-Рождественской церкви и постройку на ее месте новой. 12 мая 1860 года из кафедрального собора в Ипатьевский монастырь крестным ходом принесли чудотворную Феодоровскую икону Богоматери, чтобы с молитвой пред ликом костромской святыни совершить закладку новой церкви в честь Рождества Пресвятой Богородицы. В том же 1860 году последовало императорское повеление — провести реставрацию палат бояр Романовых (или дворца царя Михаила Феодоровича) в Ипатьевской обители по образцу палат бояр Романовых в Москве, в Зарядье (где 12 июля 1596 года родился будущий царь Михаил Феодорович).

Одним из важнейших нововведений для почитания Феодоровской иконы Божией Матери в XIX веке стало установление традиции ежегодного принесения чудотворного образа в город Галич.

«В генваре [январе — М.Ф.] 1861 года по ходатайству преосвященного Платона, вследствие поступившего к нему прошения от жителей города Галича, Святейшим Синодом разрешено переносить чудотворную Феодоровскую икону Богоматери из Костромы в Галич — ежегодно, со дня Преполовления Пятидесятницы до недели святых отец»².

Таким образом, первоначально икона отбывала из Костромы в среду четвертой седмицы по Пасхе (середину периода времени между Пасхой и Троицей) и возвращалась в воскресный день за неделю до праздника Святой Троицы (когда празднуется память святых отцов I Вселенского собора). В указе Святейшего Синода на имя епископа Костромского и Галичского Платона (от 13 января 1861 года за № 149) говорилось:

«По вниманию к благочестивому желанию жителей города Галича и представленным Вашим преосвященством и признанным Святейшим Синодом уважительным основаниям, по коим предполагается учредить ежегодно перенесение из костромского кафедрального собора в город Галич чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери, и также по неимению к сему препятствий со стороны министерства внутренних дел, разрешить означенное перенесение

¹ Островский П. Ф., протоиерей. Исторические записки о Костроме... — С. 189.

² Там же. — С. 192.

согласно ходатайству местного епархиального начальства, с среды Преполовения Пятидесятницы до недели святых отец, дозволив при сем в течение означенного времени износить ту икону, по желанию священнослужителей и прихожан, из Преображенского собора и в другие церкви города Галича, а равно и в частные дома жителей, с тем, чтобы надзор при этом случае за порядком и благочинием в народе каждый раз возлагаем был на обязанность местной полиции, а наблюдение за сохранением в пути имеющихся на иконе драгоценных украшений лежало на ответственности епархиального начальства»¹.

В мае 1861 года состоялось первое перенесение чудотворной Феодоровской иконы в Галич. Отец Павел Островский — очевидец и участник этих событий — описывал их так:

«17 мая 1861 года, в день Преполовения Пятидесятницы, совершилось первое торжественное перенесение костромской святыни чрез Судиславль в город Галич. По совершении обычного в этот день крестного хода [в праздник Преполовения, на реку Волгу с водоосвящением — М.Ф.], всегда сопровождаемого множеством народа, преосвященный со всем градским духовенством в кафедральном соборе начал молебен Пресвятой Богородице; при пении тропаря «Пришествием честная Твоя икона, Богоотроковице» начался новый крестный ход, в котором чудотворная Феодоровская икона Богоматери изнесена священниками за Святые врата соборной ограды на площадь, в сопровождении преосвященного; здесь после пения «Спаси от бед», по сугубой ектении и осенении народа святым крестом, расстался владыка, духовенство и весь народ с святой иконой, поставленной двумя соборными протоиереями в дорожный экипаж.

Торжественные проводы чудотворной иконы, окруженной и теснимой со всех сторон, можно сказать, целым населением города, при архипастырском напутствии отъезжающих святительским благословением и при общем во всем городе колоколенном звоне, до глубины души тронули православный народ, провожавший святыню в неблизкий путь: на лицах провожавших святыню виднелись слезы — не от грусти при разлуке с ней, но от полноты любви христианской и братских благопожеланий к ожидающим ее своим братьям о Христе в иных городах и селениях»².

По пути следования иконы ее торжественно встречали в церквях и носили по домам жителей.

«В селениях, где останавливается чудотворная икона на ночлег или на несколько часов, большая часть жителей спешат принять святыню в свои дома, а в самом Галиче едва ли можно насчитать десятую часть жителей, которые по разным обстоятельствам не имеют или времени, или иного удобства принять святыню в свои дома»³.

На въезде в Галич Феодоровскую икону торжественно встречали горожане и жители окрестных селений. В донесении о путешествии со святыней, которое

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). — Ф. 796. — Оп. 170. — Д. 1418. — Л. 2 об. — 3.

² Островский П. Ф., протоиерей. Исторические записки о Костроме... — С. 192–193.

³ Там же. — С. 194.

представили епископу Платону соборные протоиереи, сопровождавшие чудотворный образ, говорилось:

«После ранней литургии из села Соцевино, куда к этому времени собралось народу еще более, мы отправились в дальнейший путь к Галичу. С самого выезда из Соцевино на пути средка уже появлялись жители Галича, выехавшие и вышедшие на встречу чудотворной иконы, а за рекой Чолсмой, за 6 верст от Галича, уже целыми толпами, которые по мере приближения нашего к Галичу время от времени увеличивались, так что версты за три от Галича по обеим сторонам дороги тянулись целые ряды усердных богомольцев, из которых одни шли скорыми шагами (почти не оставаясь [видимо, опечатка и должно быть “отставая” — М.Ф.] от нашего экипажа), непрестанно изображая на себе крестное знамение, а другие при приближении святыни падали на колена и в таком положении продолжали молитвенные поклонения, провожая святыню взорами. Умилительно было это зрелище христианского благоговения к святыне, но вскоре пред глазами нашими открылось еще более благолепное и восхитительное зрелище под самым Галичем: это множество священных хоругвей с десятками храмовых икон, среди сонма галичского духовенства в светлых облачениях; все это смешалось с множеством народа, в разноцветной массе которого потерялись, так сказать, все чины и знатности городские (...). Экипаж с святыней среди массы народа, державшегося за колеса кареты и постромки упряжи, тихо двигался, приближаясь к месту, где ожидали желанную святыню жители Галича для торжественной встречи»¹.

В городе Галиче чудотворная Феодоровская икона Богоматери пребывала в Преображенском соборе, посещала храмы города и дома галичан, а к назначенному сроку так же — в экипаже, сопровождаемая духовенством — возвращалась в Кострому.

«Прошло с того дня [праздника Преполовления Пятидесятницы — М.Ф.] две с половиной недели — период разлуки жителей Костромы с святыней, — и эта кратковременная разлука послужила для них новым поводом к возбуждению чувств радости и умиления при зрелище обратного торжественного шествия в Кострому чудотворного образа, встречаемого крестным ходом из собора, в присутствии преосвященного и всего городского духовенства»².

Начиная с 1861 года обычай ежегодного торжественного перенесения чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери в Галич соблюдался неукоснительно и прекратился лишь вследствие революционных событий XX века. Со временем в график и церемониал перенесения стали вноситься изменения — прежде всего потому, что далеко не только галичане желали принять у себя костромскую святыню. Икону стали также носить (после отбытия ее из Галича) в город Буй, поэтому время ее возвращения в Кострому пришлось перенести с недели 7-й по Пасхе на Троицкую родительскую субботу; при прибытии чудотворного образа в губернский город его торжественно встречали в кафедральном соборе и сразу же крестным ходом переносили в Ипатьевский монастырь — для участия в богослужениях престольного праздника обители,

¹ Там же. — С. 195.

² Там же. — С. 193.

дня Святой Троицы. При отправке иконы в Галич ее (как описывалось выше) сначала выносили из собора на площадь у кремля, но впоследствии стали сопровождать крестным ходом до Космодамиановского храма в Кузнецях (на перекрестке современных улиц Шагова и Князева, в XX веке полностью разрушен) и лишь там помещать в дорожный экипаж.

(Продолжение статьи в следующем номере)

*Metropolitan of Kostroma and Nerekhta
Ferafont (Kashin),
Candidate of Theology, Head of the Department
of Theological Disciplines of Kostroma Theological seminary*

MATERIALS ON THE HISTORY OF THE MIRACLE FYODOROVSKAYA ICON OF THE MOTHER OF GOD IN THE XIX CENTURY

Part one

This article presents, in chronological order, materials received from various sources (including documents for the first time introduced into scientific circulation from the archives of the Holy Synod, relating to the tradition of the annual transfer of the miraculous image of the Mother of God from Kostroma to Galich), which were collected by the author in order to write a book about Feodorovskaya Icon of the Queen of Heaven.

All dates in the text are in the old style; abbreviations are disclosed without additional reservations or (if they may be ambiguous) by means of square brackets; the author's explanations are in square brackets. Quoting is done primarily in accordance with modern spelling and punctuation standards.

Key words: *Theodorovskaya icon of the Mother of God, Kostroma, the Kostroma Kremlin, the Romanov dynasty.*

Citation: *Ferafont (Kashin), Met. Kostroma and Nerekhta. Materials on the history of the miracle Fyodorovskaya Icon of the mother of god in the XIX century // Ipatievsky vestnik. — 2021. — № 1. — P. 49–68.*